

В. Г. Белинский

Александрийский театр.

Велизарий. Драма

в стихах...

Виссарион Белинский

**Александрийский театр.
Велизарий. Драма в стихах...**

«Public Domain»

1839

Белинский В. Г.

Александрийский театр. Велизарий. Драма в стихах... /
В. Г. Белинский — «Public Domain», 1839

ISBN 978-5-457-13831-5

«...Не буду распространяться о впечатлении, которое произвела на меня резкая разность Александрийского театра от московского Петровского, и доказывать, что последний несравненно лучше, великолепнее и, так сказать, столичнее. Александрийский и меньше и тусклее; но что мне показалось неоспоримым преимуществом его перед Петровским и истинною красотою — так это то, что он был полнехонек, что в нем не было места пустого: с Петровским это случается только в самые блистательные бенефисы любимцев московской публики...»

ISBN 978-5-457-13831-5

© Белинский В. Г., 1839
© Public Domain, 1839

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Виссарион Григорьевич Белинский

Александрийский театр.

Велизарий. Драма в стихах...

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ ТЕАТР. Велизарий. Драма в стихах, и в пяти отделениях, переведенная с немецкого (П. Г. Ободовским). Спектакль 31-го октября.

(Из письма москвича)^{1}

...Да, господа, жить бызвыездно в Москве и потом приехать в Петербург – это значит из одного мира перелететь в другой, совершенно на первый не похожий. Я теперь особенно понял, как смешны и нелепы споры о превосходстве одной столицы перед другою. Эти споры так же детски неосновательны, как споры о превосходстве одного гениального произведения искусства пред другим, тоже гениальным, вследствие которых если «Гамлет» превосходит, то «Макбет» никуда не годится, и наоборот. Нет, Москва имеет свое значение, которого не имеет Петербург, но и она так же не может заменить Петербурга, как и Петербург ее: каждый из этих городов хорош по-своему, каждая из столиц лучше одна другой, каждая одна другой хуже. Я еще не осмотрелся в Петербурге, чему причиною и то, что общность его так сильно и мощно охватила мою душу, что она не в состоянии сосредоточиться ни на одной частности и рассмотреть ее. Хотя Петербург в осеннее и зимнее время не имеет и половины своего значения, являясь во всем своем поэтическом блеске только весною и летом, но я уже заколдован им. В самом деле, стоит только вскользь увидеть Неву, чтобы почесть себя перенесенным в какое-то волшебное царство с крутых берегов безводной Москвы-реки... По мере моего ознакомления с частностями Петербурга, я буду постоянно и в порядке отдавать вам отчет в моих впечатлениях и теперь же начну это – с театра.

Не буду распространяться о впечатлении, которое произвела на меня резкая разность Александрийского театра от московского Петровского, и доказывать, что последний несравненно лучше, великолепнее и, так сказать, *столичнее*. Александрийский и меньше и тусклее; но что мне показалось неоспоримым преимуществом его перед Петровским и истинною красотою – так это то, что он был полнехонек, что в нем не было места пустого: с Петровским это случается только в самые блистательные бенефисы любимцев московской публики – Мочалова и Щепкина, а чаще всего при представлении нового балета с блестящими декорациями, как например, «Дева Дуная»^{2}, которая только теперь начинает надоедать московской публике, обыкновенно предпочитающей декорации и танцы драме и ее художественному выполнению... но я заговорился: это разница не театров, а публики обеих столиц. И эта разница очень резка. С первого взгляда видно, что для петербургской публики театр совсем

^{1} По приезде в Петербург Белинский задумал для газеты «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» (в 1840 г. переименованной в «Литературную газету») серию статей (в форме писем к своим московским друзьям) с подробным описанием своих впечатлений о Петербурге («о частностях» Петербурга), о «сокровищах искусства, хранящихся в Петербурге», о петербургской театральной жизни. Так появились настоящая статья-письмо и еще три под тем же названием (Белинский, АН СССР, т. III, с. 304–374, 374–378, 383–384). Существенным дополнением к данной (первой) статье «Александрийский театр» является письмо Белинского к Боткину от 22 ноября 1839 г., в котором он возмущался казенно-бюрократической атмосферой официального столичного Петербурга и более строго отзывался о петербургских актерах и зрителях. В своих выступлениях в печати в 1840-е гг. Белинский неоднократно обращался к сопоставлению Петербурга и Москвы, литературной и театральной жизни, читающей и театральной публики «обеих столиц» (см. статьи 1845 г. «Петербург и Москва», «Александрийский театр», «Петербургская литература» – наст. изд., т. 7).

^{2} «Дева Дуная» – балет А. Адана.

но то, что для московской: для первой он необходимость, для второй – развлечение. Спрашиваю вас: много ли в Петровский театр сошло бы народу на новую пьесу неизвестного автора и переведенную человеком, конечно, не без дарования, но совершенно неизвестным в литературе, и притом, когда эта пьеса дается не в бенефис Мочалова или Щепкина, а в обыкновенный спектакль, и еще – что в Москве очень важно – не в воскресный день, а в будни?.. Обыкновенно московская публика внимательна только местами, когда ее самовластно увлекает могущество вдохновения артиста и обаятельная сила драматического положения или гениальность сцены; но зато, как скоро сцена ей не нравится или артисты дурно выполняют ее, если бы вы хотели внимательно следить за связью и ходом пьесы, вам не дадут этого сделать разговоры, смех, кашлянье, сморканье и проч. Когда дают драму – московская публика смотрит Мочалова, не думая о драме и как будто не замечая других артистов, участвующих в ней. Для нее драма – Шекспира или г. Полевого, все равно – есть не произведение искусства, существующее *по себе и для себя*, а средство для Мочалова *показать себя*. В Петербурге напротив: здесь пьеса не отделяется от сценического выполнения и столько же заинтересовывает публику, как и выполнение. Как бы ни была скучна сцена и как бы ни дурно выполнялась она, ее слушают и смотрят внимательно, как бы боясь упустить из виду нить развития, связь, ход и целость пьесы. Малейший отдельный разговор или шепот возбуждает общее негодование и прерывается шиканьем. Как бы ни неудачен был эффект, который старается произвести актер, но если в его эффекте есть мысль или даже только смысл, если по крайней мере видно намерение со смыслом – внимательная публика тотчас замечает это и, слишком снисходительная и благодарная, награждает артиста громким и единодушным аплодисманом. Петербургские артисты не могут пожаловаться на свою публику, и если который из них не замечен ею или не пользуется ее благосклонностию – значит, что он уж плох. В Москве ходят в театр большею частию от нечего делать, чтобы ничем кончить день, начатый и продолженный ничем. Петербургский театр наполняется большею частию деловым народом, который, поработав в департаментах часов семь, заходит в него, не оттого, что проходит мимо, но идет в него отдохнуть, освежиться, и не развлекается, не забавляется, а наслаждается театром. Видите ли: деловая жизнь не убивает любви к изящному, но еще больше развивает и усиливает ее. Не выдаю вам всего этого за непреложный факт: может быть, больше приглядевшись, я принужден буду или совсем отступить от такого заключения о любви петербургской публики к театру, или много сбавить из него; по крайней мере то, о чем я пишу к вам, я видел собственными глазами, а не сквозь чужие очки.

Теперь мне надо познакомить вас с драмою. Она разделена на пять отделений с эффектными названиями; в Петербурге это любят, для Москвы же это пустая и фразерская уловка: не знаю, прав ли Петербург, но, как истинный москвич, я согласен с Москвою... Итак, на пять отделений: первое называется «Триумфатор». Антонина, жена Велизария, и Елена, дочь его, говорят о скором прибытии мужа и отца. Дочь замечает, что мать не оживлена радостью при мысли о скором свидании с мужем, но что, напротив, она грустна и таит какую-то тяжкую мысль. Насказав множество общих риторических мест, Елена, сопровождаемая подругою своею, Олимпиею, бежит во сретение отцу. Антонина одна на сцене, и мы узнаем от нее, что ее сердце полно ненависти и жажды мщения против Велизария. У нее был сын, дитя, которого Велизарий украл у ней у сонной, и велел убить; а сам сказал жене, что ее дитя внезапно умерло и что, не желая усиливать ее горести, он велел его похоронить во время ее сна. Но вот недавно, умирая, раб открыл ей, что ее сын не умер, а был похищен, и что он, по приказанию своего господина, оставил его на морском берегу, где он, вероятно, растерзан зверями; что господин его сделал этот варварский поступок вследствие одного пророческого сна, который, по объявлению астрологов, давал знать, что сын Велизария погубит и отца своего и свое отечество. Антонина, как глубоко оскорбленная мать, клянется мужу страшную местию. Входят Руфин и Евтропий, враги Велизария, и она условливается с ними о

мщении. Перемена декораций. Император Юстиниан расспрашивает одного из придворных о поведении Велизария в его триумфальном шествии по столице. Раздаются торжественные звуки марша, знаменосцы несут победных орлов, передовой отряд воинов ведет пленных вандалов, и на торжественной колеснице, везомой народом, является Велизарий. Сошедши с колесницы, он снимает с головы лавровый венок и полагает его к ногам владыки. Император собственною рукою снова возлагает ему венок на голову, осыпает его изъявлениями своего благоволения, своими милостями. Велизарий представляет императору пленников и просит им пощады и милости; император дарит их ему, с правом – располагать их участью, и уходит. Велизарий дарит пленников свободою и обещает обеспечение их участи; они бросаются к его ногам, обнимают его колени, с кликами восторженной благодарности. Только один Аламир, молодой вандал, молчит. Этот Аламир – дитя, найденное тирскими купцами на берегу моря и проданное ими вандальскому царю, который и воспитал его как сына. На вопрос Велизария, отчего он не радуется свободе, он отвечает, что хочет жить и умереть при нем. – Нежная сцена. Декорации переменяются. Велизарий дома – и обнимает жену и дочь. Мрачная тоска и смущение жены приводят его в смущение: она говорит ему значительно, что умер его любимый раб, – он радуется в душе, что с этою смертью умерла и роковая тайна сыноубийства. Второе отделение – «Мсть матери». Открывается занавес – и является Аламир. Его восхищает Византия, ему хочется быть римлянином. Вбегает Елена и с ужасом объявляет, что ее отца император зовет в сенат чрез нарочного. Входит Велизарий, и дочь с ужасом извещает его о требовании императора. Велизарий говорит, что ему нечего бояться, что совесть его чиста. Декорации переменяются – мы видим сенат. Император извещает сенаторов о доносе на Велизария в государственной измене, требует суда беспристрастного, но и строгого. Является Велизарий – и входят на сцену Руфин и Евтропий, как обвинители. Главное обвинение – письмо Велизария к жене. «Твоя ли это рука?..» – спрашивает Руфин. «Моя», – отвечает Велизарий – начинает читать и с изумлением и ужасом видит, что семейные выражения нежности друга и отца перемешаны с фразами об измене, о заговоре для низвержения императора с трона. «Рука точно моя, но я не писал этого! – восклицает Велизарий. – Пусть оправдывает меня жена!» Входит Антонина и подтверждает справедливость доноса Руфина и Евтропия; приведенный в удивление и ужас, Велизарий просит ее быть справедливою именем бога и святости их брачного союза. Тогда Антонина, вполголоса, говорит ему, что это мсть матери, что умирающий раб ей все открыл. По уходе Антонины Велизарий признается в преступлении сыноубийства, в котором его никто не обвинял и за которое, поэтому, его не могут и судить, как еще, кроме того, за преступление частное, семейное и учиненное для блага отечества и государя. Но ничто не помогает – и Велизарий, не дожидаясь решения императора и сената, велит подать себе цепи и идет в темницу. Не помню хорошенько, в этом или в следующем отделении приходят к императору представители войска, чтобы просить у него помилования Велизария от смертной казни^{3}. Император соглашается переменить смерть на изгнание и значительным голосом предписывает Руфину и Евтропию позаботиться, чтобы Велизарий *никогда не мог увидеть его лица*. Руфин истолковывает поведение императора буквально, – и при перемене декораций является Велизарий слепой и в рубище. Какой-то мальчик вызывается быть ему вожатым; он просит его сбегать в дом, чтобы сказать о нем слово дочери его Елене, и узнает, что этот мальчик-вожатый – его дочь. Сцена в чувствительно-патетическом роде немецких мелодрам. Между тем Антонина, насытив свою мсть, приходит в раскаяние, свирепствует и впадает в помешательство. Император начинает подозревать Руфина и Евтропия в коварстве, тем более что аланы сделали вторжение в империю и с малым числом войска разбили наголову огромное войско, порученное Руфину. Между тем Велизарий приходит в одну деревню; Елена оставляет его одного, чтобы

^{3} Белинский излагает содержание третьего акта («отделения») пьесы (еще не опубликованной) по спектаклю.

поискать ему питья, – и он слышит о себе разговор крестьян, из которых один поет романс Мерзлякова. Другой крестьянин, некогда служивший под его знаменами, узнает его – трогательно-патетическая сцена. Далее Велизарий встречается с крестьянами, которые в ужасе бегут от первого отряда аланов. Наконец он встречается с Октаром, начальником аланов, и с Аламиром, который, горя мщением за Велизария, воздвигнул аланов против империи. Посредством разных мелодраматических штук и штучек, как-то: пленок, родинок, бородавок и т. п. Велизарий узнает, что Аламир – сын его. Октар предлагает Велизарию принять начальство над его аланами, чтобы вместе с ним и с Аламиром идти на Византию. Велизарий, разумеется, отказывается; тогда Октар объявляет Аламира своим пленником. Велизарий говорит, что он скорее поразит сына собственной рукою, нежели допустит его сделаться врагом отечеству, – и в самом деле заносит кинжал над грудью сына; но, тронутый *толиким* великодушием, Октар отпускает их обоих и только старается взять с Велизария слово – не брать начальства над императорскими войсками, в чем тот, разумеется, начисто ему отказывает. Между тем император призывает к себе Антонину, желая рассеять свои подозрения о невинности Велизария и тревогу своей совести, что он осудил невинного; Антонина во всем признается и в присутствии императора уличает Руфина в подделке под руку Велизария. Император допрашивает Евтропия и заставляет его открыть истину: обоих их он отсылает на казнь. Велизарий подле Византии. Народ бежит в смятении от передовых отрядов варварского войска и встречает Велизария; некоторые узнают его. Протоген и Леон, начальники императорской гвардии, идут с отрядом войска, неся в руках военачальнические регалии; они спрашивают у народа – не видал ли кто слепого Велизария, и, увидевши его в толпе, объявляют его, именем императора, главным вождем войска, уведомляют о раскаянии императора и казни клеветников. При кликах восторженной толпы Велизарий надевает на себя шлем, берет в руки жезл военачальника и уходит. Вы думаете, что тут и конец трагедии: нет, до конца еще далеко. Приходит император и разглагольствует с Еленой. Зачем и как-то приходит сошедшая с ума Антонина и очень нелепо начинает свирепствовать. Потом приходит вестник или наперсник и возвещает, что Велизарий одержал победу над варварами. Далее кто-то доносит, что Аламир убит и сам Велизарий опасно ранен. Наконец несут умирающего Велизария, и Антонина опять начинает свирепствовать, в самом смешном смысле этого слова; но, к удовольствию зрителей, она скоро умирает. Оставшиеся в живых ждут, пока умрет Велизарий, – разглагольствуя риторическими фразами; Велизарий умирает – и они перестают мучить публику нескончаемою болтовнёю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания